Текст · 14 ноября 2023, 11:39
Лили Хайд,

Три тысячи километров от дома. Как война разлучила украинскую семью, в которой одновременно оказались беременными три женщины

Когда началось полномасштабное вторжение в Украину, сразу три женщины в одной семье были беременны. Они жили в соседних селах в Харьковской области и много месяцев провели под российской оккупацией. После того, как украинские войска освободили большую часть оккупированных территорий, семья оказалась разлученной. Женщин ждала очень разная судьба: бегство под обстрелами, угрозы спецслужб, риск потерять ребенка, помощь волонтеров, бесконечные переживания друг за друга и очень долгий путь домой. Журналистка Лили Хайд восстановила их историю для журнала *Atavist*. «Медиазона» публикует перевод ее статьи.

Ой біда, біда, біда,

А я ба, а я баба молода!

* * *

Лидия Кузниченко держит на руках младенца и поет ему украинскую народную песню. Мелодия веселая, но поется в песне о том, что героиня — еще молодая женщина, а вокруг — беда. Лида тоже еще молода. У нее серо-зеленые глаза, темно-русые волосы с золотистым отливом и лицо, не предназначенное для

горя. Она смеется и тетешкает ребенка: «А у кого тут такая молодая бабушка, а?».

Я сижу на Лидиной кровати в маленьком кирпичном домике в украинском селе Редкодуб[1]. На мне тяжелый бронежилет, который должен защитить меня от войны, бушующей за стенами дома. Ребенка в ползунках и синей кофточке защищают только руки бабушки. Он очень маленький, ему еще нет трех месяцев.

За окном бледный зимний день. 30 декабря 2022 года. Мы в Харьковской области, примерно в 30 километрах на запад от российско-украинской границы и в 10 километрах от линии фронта. На полках в комнате — аккуратно сложенная детская одежда и пеленки, голубые, лимонно-желтые, белые. На террасе сушится все остальное — вещи стирают вручную, воду греют на старомодной плите. Это обыкновенный украинский деревенский дом, теплый и тихий, если не считать треска поленьев. Когда снаружи раздается протяжный оглушительный рев, от которого трясутся стекла, дергаюсь только я. Младенец шевелится, но продолжает спать.

Они оба так делают — на кровати в комнате спит еще один младенец. У этих детей много приемных дядь в Редкодубе, мужчин в камуфляже, тяжелых ботинках и пуленепробиваемых жилетах. Многие из них думают, что эти дети — близнецы. «Нет, — поправляет их Лида. — Это мои дочь и внук. Друг другу они — тетя и племянник». Их зовут Виталина и Давид, и на их долю выпало больше бед, чем многим достается за всю жизнь.

Если бы вместо колыбельной Лида рассказывала им их собственную историю, с чего бы она начала? Может, так? Жили-были три женщины: Люда, Лида и Лера. И были они из двух поколений одной и той же семьи, и жили они в нескольких километрах друг от друга, и забеременели с разницей всего в несколько недель. Но пришла война и разлучила их. И одна проехала три тысячи километров, чтобы попасть домой, а другая не вернулась.

Нет. Так эта история слишком быстро становится очень грустной.

Может, начинать так? Это история о Давиде и Голиафе. Маленький Давид отправился воевать с гигантом Голиафом, который собирался уничтожить весь народ Давида. И все думали, что Голиаф выиграет за три дня, но маленький Давид выстоял.

Да, так гораздо лучше.

Семья

Слободяники, семья Лиды, — это большой сплоченный клан. Аркадий и Галина перебрались из Винницы в Редкодуб в 1986 году с четырьмя детьми. Лидия и ее сестра-близнец Людмила были еще совсем маленькими, когда семья приехала в Харьковскую область и родители начали работать в местном колхозе. Еще одна дочь появилась на свет в соседнем селе Двуречная.

Лида и Люда все делали вместе. Люда старше Лиды на пять минут. Они вместе учились в местной школе и пели в хоре. Когда им было по 12 лет, они начали

работать на ферме доярками. Близняшки вместе выступали в местных клубах и домах культуры — две девочки с ясными лицами пели полнозвучные и грустные украинские народные песни. Лида родила своего первенца, Максима, в восемнадцать. Люда последовала ее примеру через три месяца и родила дочь.

Максим был тихим серьезным ребенком. Лида щекотала его, и подбрасывала, и пела смешные песенки, чтобы выманить у него улыбку. Отец Максима рано ушел из семьи, так что сын рос с матерью — ему достались ее зеленые глаза и темные волосы, но не легкий характер. Позже в семье появились еще брат и сестра, весельчаки, как Лида, а Максим остался таким же, как в младенчестве, тихим и упрямым.

К середине 1990-х колхозы превратились в частные хозяйства, но в остальном в этом уголке Харьковской области все шло по-прежнему. Поля с рожью, кукурузой и подсолнухами под синим небом — как на открытке с украинским флагом. И река Оскол с высокими известняковыми берегами, поросшими цветами и изрытыми норами сурков.

Пока росли дети, семья регулярно собиралась вместе — из всего клана Слободяников дальше всех жил один из пятерых детей, самый старший брат, который вместе с семьей осел в столице области, Харькове. Все остальные жили в паре десятков километров друг от друга в Купянском и Двуречанском районах. К концу 2021 года у Аркадия и Галины было 15 внуков и правнуков. И, возможно, скоро мог появиться еще один — к Лидиному изумлению, Максим привел в дом

девушку, которую встретил в сельскохозяйственном техникуме. Ее звали Валерия Перепелица. Девушка! И это робкий Максим, которому на тот момент было всего семнадцать. Но они с Лерой уже говорили, что хотят ребенка.

Оккупация

24 февраля 2022 года Лида сквозь сон услышала оглушительный гром, как будто небо раскололось пополам.

Было четыре часа утра, еще темно. Дома было очень тихо, младший сын Дмитро и дочь Ульяна спокойно спали. Это просто страшный сон, решила Лида. И задремала. Но вскоре снова проснулась от громкого звука. Наверно, кто-то запускает фейерверки.

Когда она выглянула в окно, то увидела, что небо на северо-востоке, у границы с Россией, пылает. Это был не сон и не фейерверки. Это было то, о чем предупреждали США, и то, во что никто в Украине не хотел верить: Россия начала вторжение.

Никто не был готов к тому, что российские ракеты полетят на жилые дома и инфраструктуру по всей Украине. Утром 24 февраля российские танки не просто вошли на территорию Харьковской области, но продвинулись дальше на юг, к Херсону и Мариуполю, и на север — к столице страны.

Лида позвонила Максиму, который был у Лериной семьи в Великом Выселке, примерно в 30 километрах от Редкодуба, на другом берегу реки Оскол. Звонок

разбудил его. «Как ты можешь спать, — закричала она, — когда началась война?!».

Максим постоянно смотрел новости и переписывался с двоюродным братом, который служит в ВСУ. Но брат его к такому не готовил. А вот Лера отлично знала, что такое война. Потому что столкнулась с ней восемь лет назад — в Луганске. Она помнила, как мать прятала их с младшей сестрой в шкафу во время бомбежек и как их единственной едой было полбуханки хлеба в день.

Теперь они с матерью впопыхах одевали Лериного маленького брата Артема и собирали самое необходимое. Инстинкт говорил Лере, что надо бежать, но она не знала куда. Прямо над домом ревели ракеты «Градов». Лериной младшей сестре Алене было пять, когда они сбежали из Луганской области. И теперь застарелая травма дала о себе знать: Алена вся сжалась, как птенчик, закрыла руками голову и кричала.

На работу в тот день никто не пошел. Люди в Редкодубе и Двуречной прятались в подвалах и погребах, пока над домами летели самолеты и вертолеты, а мимо шли танковые колонны. Техника была без опознавательных знаков. Ни Лида, ни ее соседи не понимали, чья это армия, пока не увидели на танке из самой последней колонны, которая проехала уже в четыре часа дня, российский флаг. Немногочисленные силы ВСУ возле Двуречной и Великого Выселка быстро сдали позиции.

27 февраля сдался мэр райцентра — Купянска. Вскоре на юге страны пал Херсон. Остававшиеся рядом

с Лидиным домом украинские войска ушли на защиту Харькова, который следующие три месяца жил под постоянными обстрелами. Но в селах рядом с границей после того первого дня, когда через них шли российские войска, было до странного тихо.

* * *

28 февраля Виталий Кучер сидел у себя дома в Двуречной с женой и четырехлетней дочкой, размышляя, есть ли у него еще работа и страна. Тут ему позвонил коллега: «Тебя десять беременных у кабинета ждут, почему ты еще не здесь?».

Виталию 34 года, у него простое круглое лицо, и он уже десять лет работает гинекологом в Двуречной. А раньше там же работал отец — педиатром. Все знают Кучеров: через их руки прошла большая часть местных детей, от рождения до первых прививок, переломов и болезней. Ребенком Лида обожала Кучера-старшего, в 2014-м и 2015-м Кучер-младший вел ее беременность Ульяной.

Теперь их родные села были оккупированы Россией. Но люди тут продолжали жить и влюбляться, женщины беременели, дети появлялись на свет. Кучер отправился на работу в больницу в Двуречной.

В Редкодубе, Двуречной и Великом Выселке люди привыкли к пролетающим над головой вертолетам — это было так же неотменимо и обыденно, как чашка кофе с утра. До России здесь гораздо ближе, чем до Киева, и контакты по ту сторону границы — обычное дело. Но российские оккупационные власти, занявшие дом культуры в Двуречной, похоже,

не очень понимали, как управлять полученной территорией. Кучер и его коллеги продолжили работать почти как раньше, ставя на все больничные документы украинские печати.

«Знаете, почему мы так медленно среагировали? — спросил меня Кучер, когда мы встретились летом 2023 года (он уехал в деревню в центральной части страны). — Потому что ничего не происходило! Не было обстрелов, не было страшных бомбежек. Все было тихо, не считая того, что мы не знали, кто мы теперь такие».

Во время оккупации Кучер вел больше 40 беременных. Автобусы ходить перестали, так что до врача женщины добирались пешком или на велосипеде. А если несколько пациенток ехали из одной деревни, они скидывались на водителя и бензин.

Одной из первых пациенток Кучера после вторжения оказалась сестра-близнец Лиды — Люда. Кучер хорошо знал ее, у нее уже было четверо детей. Люда и Лида всегда рожали примерно одновременно, они все делали вместе. Кучер думал, не появится ли скоро и Лида у дверей его кабинета.

Но вместо нее в марте появилась другая, очень юная женщина. Миниатюрная, худенькая, с чистой бледной кожей, черными глазами и темными волосами, убранными в пучок. У клиники ее поджидал партнер. Обоим было по семнадцать. Ее звали Валерия Перепелица, а партнера — Максим Кузниченко, и это был старший сын Лиды.

В обычной жизни Кучер отправил бы юных родителей в службу опеки, чтобы там их спросили, хотят ли они сохранить ребенка. Но это было невозможно — глава службы сбежал в Польшу. Перед Кучером стояла очень юная девушка. Абсолютно уверенная в том, что она и ее партнер оба хотят ребенка, несмотря на то, что происходит вокруг. Кучера впечатлило Лерино зрелое отношение к беременности. Он заполнил медкарту и назначил ежемесячные осмотры.

Иллюстрация: Andriana Chunis / Atavist

Когда Лера только обнаружила, что беременна, она разрыдалась. Как два несовершеннолетних родителя будут растить ребенка во время войны, когда все вокруг так шатко? Максим пытался ее успокоить. Российские войска просто прошли через Великий Выселок и Редкодуб, оставив между деревнями свой КПП. Почти все жители этих деревень остались на месте, работали на своих участках и фермах и надеялись, что все скоро закончится и жизнь останется почти прежней.

Мама Леры, Светлана, однажды уже покинувшая свой дом в Луганске, сказала, что она больше никуда не поедет. Старшие Слободяники в Редкодубе тоже отказались уезжать. Тут у них есть крыша над головой, огород, гуси, свиньи, кролики. Это их дом,

это их Украина. Они не позволят русским выдавить их из дома. Тем более сбережений у них нет, переезд стоит очень дорого, дорога опасная. Харьков бомбят, российские войска уже у Киева. Куда они поедут?

У беременной Люды была еще одна причина остаться — ее муж поддерживал российское вторжение. И в области он такой был не один. Это была первая серьезная размолвка между близнецами Лидой и Людой.

В итоге в конце марта уехала только их младшая сестра, Света, по так называемому зеленому коридору, на территорию, контролируемую украинскими властями. Остальная семья никуда не двинулась: Лида и ее младшие дети в Редкодубе, Люда под Купянском, Максим с семьей Леры в Великом Выселке.

Максим устроился на ферму, где работала мама Леры, присматривал за телятами и жаловался, что у него вся одежда провоняла навозом. Лера на велосипеде ездила на осмотры в Двуречную, но главный вопрос оставался нерешенным: где она будет рожать? Домашние роды в Украине запрещены, так что Лера попыталась договориться с единственным медработником в Великом Выселке, медсестрой по имени Наташа Дихман. Лера попросила ее помочь, если роды начнутся внезапно и она не успеет доехать до больницы. Наташа подрабатывала фельдшером: измеряла давление, распределяла безрецептурные лекарства, промывала раны. Она не очень разбиралась в акушерстве и сказала Лере и ее маме, что квалифицированной помощи оказать не сможет.

Обычно Кучер отправлял сложные случаи в Харьков, и подростковые роды тоже входили в эту категорию. Теперь некоторые его пациентки ехали рожать в близлежащие российские города — Валуйки или Белгород, где обнаруживали, что люди вообще не понимают, что происходит по ту сторону границы.

Пациентки Кучера пересказывали абсурдные диалоги с врачами в Белгороде, которые спрашивали:

— Почему вы приехали к нам?

— Ну, у нас оккупация.

— И кто вас оккупировал?

— Вы!

Лера отказалась ехать в Россию, страну, которая однажды уже лишила ее дома. У нее там были родственники, но они почти не общались, потому что те поддержали вторжение. Кучер планировал отправить ее рожать в больницу в Купянск, где было бомбоубежище в подвале.

* * *

Видимость нормальности в Купянском районе скоро стала развеиваться. Не ходил общественный транспорт. Не было банкоматов, закрылись банковские отделения. Не работала доставка и почта. Магазины, заправки и аптеки пустовали. Эвакуироваться на украинскую территорию можно было только при помощи волонтеров из Харькова, которые каждый день перевозили людей через дамбу

в Печенегах, единственное место в области, где можно было пересечь линию фронта. Волонтеры подбирали беженцев, развозили еду и лекарства. Это был рискованный вариант. Когда в Двуречной закончились лекарства, местный аптекарь решил добраться до украинской территории, чтобы пополнить запасы. На дамбе — теперь ничейной земле между двумя воюющими сторонами — он попал под обстрел. Вернулся контуженный и с пустыми руками.

В начале апреля пропал интернет. Перестали работать городские и мобильные телефоны. Три недели не было электричества. Скоро дефицитом стало все — газ, лекарства, хлеб, информация.

Летом Россия начала завозить еду и лекарства, но они продавались по таким ценам, что местные жители были не в состоянии их купить. Никто не мог получить на руки зарплаты и пенсии, потому что банки были закрыты. Предприимчивые люди, которые всегда появляются во время войны, снимали деньги с украинских дебетовых карт за 30 процентов от суммы. В Великом Выселке люди выживали благодаря ферме, которая платила работникам натурой — мясом, молоком, яйцами, мукой, подсолнечным маслом. В каком-то смысле это было возвращением к тяжелым годам после падения СССР. Или — для тех немногих, кто это еще помнил — к сталинским 30-м или 40-м под нацистами, когда никто не мог говорить, что думает.

Тем, кто жил в Двуречной и Редкодубе еще повезло: у них почти не было случаев убийств, пыток или похищений, которые стали характерной приметой

российской оккупации в городах и деревнях всего в нескольких километрах от них. Конечно, любой, кто служил в украинской армии, стал мишенью, но эти люди сбежали или ушли в подполье. И все же те, кто оставался верен Украине, рисковали арестом или чем похуже. Так что, сталкиваясь с российскими солдатами, когда те ходили на рынок в Двуречную или Купянск, покупали свиней в Редкодубе, местные жители старались не встречаться с ними взглядом.

Все понимали, что раз они остались и пытаются адаптироваться к ситуации, они подпадают под новый украинский закон о сотрудничестве с врагом. Но никакой закон не мог описать жизнь под оккупацией или четко обозначить границу между выживанием и коллаборацией. Распределение российской гуманитарной помощи, например, преследуется по этому закону: для России эта помощь — еще один способ показать, что вторжение поддерживается местным населением. Людей заманивали в систему, чтобы еще больше осложнить возвращение территорий под контроль Украины: все местные бизнесы должны были либо зарегистрироваться в российской системе, либо закрыться, госслужащие должны были подписать договоры с оккупационными властями или потерять работу и вызвать подозрения. Конечно же, российские солдаты пользовались местными службами и удобствами, и никто не мог им отказать.

Единственными доступными медиа были российские, и они неустанно повторяли, что «специальная военная операция» призвана освободить украинский народ от тирании НАТО и нацизма. Получить доступ к другим источникам

информации было непросто и рискованно, это надо было делать втихомолку. В Великом Выселке медсестра Наташа Дихман использовала генератор, чтобы подключиться к украинскому спутниковому телевидению на полчаса после вечерней дойки коров. Максим между сменами залезал на сложенные штабелями тюки сена, чтобы поймать связь с помощью российской сим-карты (единственный способ выйти в интернет), проверить украинские новостные каналы и списаться со своими родственниками в армии.

У всех были секреты, в том числе у Лиды.

В середине июля семья встретилась в Редкодубе, во дворе Лидиного дома. Люда приехала в Двуречную на плановый осмотр, а потом отправилась навестить родителей и сестру-близнеца, всех четверых детей она привезла тоже. Пришли Лера и Максим. Было тепло и тихо. Российский флаг на водонапорной башне в конце переулка был единственным явным свидетельством новой реальности. Дети шумели и играли. Взрослые пили чай за деревянным столом под сенью фруктовых деревьев. Во дворе, где прошло так много веселых семейных сборищ, за столом обсуждали младенцев, которые должны появиться на свет.

Люда объявила о своей беременности первой. Когда она рассказала сестре, Лида удивилась: «Как тебе это в голову пришло! В такое время рожать!» Примерно те же слова она сказала Максиму, когда в апреле обнаружила рецепт на витамины для беременных и заметила, что Максим не дает Лере поднимать тяжести.

Вскоре семья узнала, что их двоюродный брат Владислав и его жена, которые жили под Купянском, тоже ждут прибавления. Ребенок Люды должен был родиться первым, примерно через 6 недель. Еще через неделю — ребенок Владислава. А у Леры и Максима — в конце октября.

«Ну а ты, Лид? — подначивала Лиду сестра. — Для полноты картины тебя не хватает».

Лида была тише обычного, мало говорила, больше слушала. Она рассталась с отцом Ульяны, хотя они были в хороших отношениях. Той зимой она начала встречаться с местным мужчиной по имени Виталий. А до этого у нее несколько лет были нерегулярные месячные и другие сложности со здоровьем. Даже когда Лида наконец начала подозревать, что беременна, она не сразу сделала тест. «Ну, у меня для вас новости», — наконец сказала она. Максим заметил, что мать покраснела. «Я тоже беременна!»

Беременность стала хорошей темой для разговора — говорить об оккупации и о том, как она влияет на жизнь семьи, они не могли. Первенец их старшей сестры скоро должен был закончить военную академию в западной Украине и отправиться

воевать за свою страну. Кузен пропал без вести во время боев за Мариуполь, другой — Александр, выросший вместе с ними в Редкодубе, служил на передовой. Они не могли говорить обо всем этом, потому что за столом был человек, представлявший другую сторону конфликта, — Люда.

Муж Люды, как и Лера, был родом из Луганска. Эта область превратилась в мрачную, серую зону вне закона, где единственной приемлемой позицией была пророссийская, согласно которой у Украины нет права на существование и она находится под властью националистов и нацистов (нациков). Лерин дядя все еще находился в оккупированном Луганске, прячась от военной полиции, которая ловила мужчин на улицах и отправляла их воевать за Россию против Украины. Некоторые солдаты, занимавшие Двуречную и Купянск, были из оккупированных Донецкой и Луганской областей.

Слободяники были украиноговорящими, верными своей стране людьми. Но муж Люды настаивал на том, что вторжение 2022 года произошло по вине Украины и НАТО, и Россия пришла освободить Украину и вернуть на ее законное место — в состав России. Люда начала повторять эти слова. Лида разрывалась между любовью к сестре, которая была для нее самым близким на свете человеком, и своими детьми. Максим просто с трудом держался, чтоб не начать спорить с тетей, он возненавидел таких как ее муж — людей, вступивших в сговор с российскими оккупантами.

Так что тем днем в саду все обходили опасные темы и заполняли образовавшиеся пропуски младенцами.

Это был последний раз, когда Слободяники смогли собраться все вместе.

Сотовой связи или надежного способа добраться из одного поселка в другой у них не было, и Виталий Кучер из Двуречной стал единственным источником информации трех беременных женщин друг о друге. Они передавали через врача сообщения, а он старался назначить Лидины осмотры на одно время с Людой, чтобы близнецы встретились.

Наташа Дихман вспоминает холодное дождливое лето, которое прошло в заботе о скоте и копании в земле: она вырастила самую большую картофелину, которую видела в жизни, размером с головку младенца.

Но Максим знал, что скоро все изменится. В конце августа, забравшись на стог, он получил сообщение от своего кузена из армии:

— Потерпи, мы скоро придем.

— Как скоро?

— Всему свое время.

Освобождение

1 сентября Люда родила девочку в Купянском роддоме. Многие уехали из города, но все было почти спокойно. Говорили об украинском контрнаступлении в Херсонской области на юге, но в Купянске российские солдаты гуляли в парках и ели мороженое. Школы и колледжи открылись,

учеба шла по российской программе. Преподавателей, которые отказывались сотрудничать, допрашивали или заставляли уехать. Родителям говорили, что если они отправят детей в российскую школу, то получат выплаты, а если нет — штраф. Россия сжимала хватку на оккупированных территориях, вдалбливая в голову местным жителям, что единственное их будущее — это РФ. 3 сентября ребенок Лидиного и Людиного двоюродного брата появился на свет в том же роддоме.

В Редкодубе Лида и ее мать засаливали помидоры — без припасов они не продержатся зимой, потому что ни работы, ни доступа к деньгам больше не было. Семилетняя Ульяна и 13-летний Дмитро помогали, в Редкодубе не было школы, в которую они могли бы пойти. В конце августа российская военная полиция, а может быть сотрудники ФСБ пришли за Юрием Тягилевым, соседом Лидиных родителей, директором сельской школы и ярым сторонником Украины. Они надели ему мешок на голову и держали вместе с другими пленными в крошечной, душной камере без окон. Их допрашивали несколько дней, по кругу задавая одни и те же вопросы: кто поддерживает Украину, кто воевал на украинской стороне в Донецке и Луганске?

Как только Тягилева отпустили, он вместе с женой, учительницей в той же школе, уехал из Редкодуба в сторону российской границы — они надеялись добраться до своих дочерей в Европе. Всего через несколько часов после отъезда учителей, фээсбешники вломились в их дом.

Максим и Лера собирались приехать в Редкодуб 7 сентября и остаться там до родов: Максим волновался за беременную мать и оттуда проще было добраться до Двуречной. Лера и Лида должны были вместе провести последние месяцы до родов. И если их родственник-военный говорил правду, то лучше им всем было оказаться под одной крышей.

Они не поехали по банальнейшей из причин — Максим не смог отпроситься с работы. Если бы они только приехали в тот день, их жизни могли бы сложиться совершенно по-другому.

* * *

Разговоры о контрнаступлении на юге были военной хитростью. 6 сентября Украина внезапно напала на российские войска в Харьковской области. ВСУ молниеносно продвигались вперед. 7 сентября Лида уже слышала рев огня с двух сторон. Война, которая до этого почему-то обходила Редкодуб стороной, приближалась с каждым часом.

В ночь на 8 сентября ракета попала в дом культуры в Двуречной, где расположилась российская администрация. Атака застала российские войска врасплох. «Они побежали, — рассказывает Кучер, — как крысы с тонущего корабля».

9 сентября украинские солдаты вошли в Купянск. В Редкодубе непрерывно слышались звуки боев. Лида не могла связаться ни с Людой, ни со своим кузеном Владиславом в Купянске, сотовая связь не работала. Ходили слухи, что украинская армия будет

в Редкодубе через два-три дня. Лида думала: «Как же долго ждать! Два или три дня — это вечность».

11 сентября было прохладно и пасмурно, с деревьев падали яблоки. Ранним вечером мимо Лидиного забора прошли трое солдат — тихие темные фигуры в зеленых толстовках под бронежилетами, с автоматами в руках. Это были чуть ли не первые солдаты, которых Лида видела в Редкодубе за полгода войны. Она и ее соседи побежали к ним. Потом Лида остановилась. А что если это русские? По форме понять было сложно, они были недостаточно близко, чтобы разглядеть нашивки или куски скотча, которыми обе армии обозначали себя...

Один из менее осторожных соседей закричал: «Слава Украине!» Лида ждала выстрелов. Но вместо этого послышался отзыв: «Героям слава!»

Давление последних месяцев отпустило. Маленькая Ульяна зашлась истерическим смехом. Они обнимали солдат и просили рассказать, что происходит. Позже в тот день Лида сфотографировала своих детей и двух солдат с украинским флагом. Как только появилась сотовая связь, она сделала это своим фото профиля в *Viber*. Так семья могла узнать, что Редкодуб снова стал украинским. Ее старший сын и его беременная девушка должны были продержаться еще совсем чуть-чуть.

На следующий день Лида пошла в дом своей матери, там иногда можно было поймать сигнал. Она слышала звуки сильнейшего обстрела, над Двуречной стояло зарево. Но она была в свободной Украине уже сутки, и это было хорошее утро — она увидела

сообщение от Максима, который писал ей, что они в порядке, что она должна держаться и что украинские солдаты уже в пути. Но потом она поняла, что сообщение отправлено 5 часов назад. Она попыталась дозвониться Максиму, но он не отвечал.

После первых горячечных дней ситуация начала ухудшаться. Украинские солдаты начали входить в Двуречную 10 сентября, хотя официально село освободили 11-го, как и Редкодуб. «Мы так радовались! Мы думали: нас освободили, все хорошо! — вспоминает Кучер. — А 12-го начались первые обстрелы и появились первые жертвы».

12 сентября Лера, его самая юная пациентка, должна была прийти на УЗИ. Она не появилась — первый визит, который она пропустила за 6 месяцев, — но Кучеру было не до этого. Город трясло от российских обстрелов, он вместе с женой и дочерью прятался в подвале. Они не выходили три дня — у них не было ни воды, ни электричества, ни связи, ни передышки между бомбежками.

15 сентября семья пробралась в свою квартиру. На следующий день Кучер смог отправить жену и дочь с волонтерами. И еще через день эвакуировался сам.

Контрнаступление остановилось прямо за Двуречной, за рекой Оскол. (Позже украинские силы отступили на западный берег реки.) Максим и Лера были с другой стороны, в Великом Выселке. От Лиды их теперь отделяла линия фронта.

В последующие недели и месяцы обстрел Двуречной продолжался, дошло и до Редкодуба. В городе

отключили газ, электричество и воду уже через несколько дней после прихода украинских войск, но работала сотовая связь, а еще армия привезла терминал *Starlink*, который местные жители тоже могли использовать для интернет-соединения. В конце сентября Лида узнала, что Люда, ее муж и дети живы — они три дня прятались в подвале с новорожденым, а затем сбежали в Россию. Но связи с Максимом и Лерой не было.

4 октября, когда Лида возвращалась из родительского дома, поддерживая свой большой живот под пальто, ее младшая сестра Света позвонила из Словакии, где она жила как беженка с апреля: «Лида, ты в порядке? Они с тобой связались?»

Лида знала, что Света говорит о Максиме и Лере. И насколько она знала, они находились все там же — в 30 километрах от нее, на том берегу Оскола. Но это мог быть и океан. Младшая сестра начала путано объяснять что-то про девушку из Харькова, которая написала в соцсетях про людей в Великом Выселке. Не договорив, Света заплакала.

— Что? Что случилось? — запаниковала Лида. — Света, просто скажи мне!

— Она родила! — услышала Лида сквозь всхлипы. — Лера родила мальчика 1 октября. Они в порядке.

Лида стала бабушкой. С этой мыслью она с младшими детьми, родителями и соседями спустилась в погреб — 15 человек на 40 метров, втиснутые между банок с помидорами и огурцами. От звука падающих снаружи ракет их отвлекали попытки угадать имя ребенка.

Может, Илья? Лере нравилось это имя. Максим хотел назвать сына Олегом, в честь двоюродного брата, который служил в армии. Все были в куртках и шапках — в подвале было промозгло.

Украинские солдаты, разместившиеся в деревне, давали им фонарики, лампы, хлеб, заряжали им телефоны. Однажды, когда Лида готовила на улице, прямо во двор прилетела кассетная бомба, раскидав смертоносные осколки по клумбам с бархатцами. Лида каким-то чудом успела добраться до укрытия, отделавшись синяками. В начале октября уничтожили школу, где преподавал Юрий Тягилев и выучилось два поколения Слободяников. В том же месяце Лида получила сообщение с неизвестного российского номера. В нем говорилось, что оно от Максима. Она перезвонила, ответил женский голос:

— Это Лера.

— Наша Лера?

— Твоя Лера!

Лера сказала, что ребенка назвали Давидом. Имя пришло из ниоткуда, но и она, и Максим сразу поняли, что это правильное имя. Ребенок в порядке, они все в порядке. Они дома, телефон взяли у соседа. А как Лидина беременность? Как младшие дети? Они надеялись, что скоро смогут с ними воссоединиться. И на этом все.

В Двуречной больше не было доктора Кучера, чтобы передавать через него сообщения. Больница была разрушена — прямое попадание по кабинету Кучера

на третьем этаже. Школа, садик, рынок — все было уничтожено. Все. На следующий плановый осмотр, на 34-й неделе, Лиду повезли на скорой в Харьков — машину организовала украинская армия.

Кучер, который в тот момент находился в деревне в центральной Украине, по телефону сказал Лиде, что не хочет рисковать. Врачи продержали ее в Харькове неделю, хотя она очень рвалась обратно к детям.
И постоянно думала о старшем сыне. Лида теперь могла без ограничений читать и смотреть украинские новости, и там постоянно говорили о чудовищных военных преступлениях в освобожденных городах — пыточные камеры в Купянске, братские могилы в Изюме.

Лида помнила времена, когда она опускала голову, чтобы не смотреть на российских солдат на улицах Двуречной и Купянска. Максим, ее малыш, которого она щекотала, чтоб он улыбнулся, теперь с ними один на один. Справляется ли он с тем, чтобы сдерживаться, не давать воли темпераменту, разочарованию и надежде? Она была не уверена, что он из тех, кто опускает глаза.

В конце октября, пока Лида была в больнице, ей позвонили с незнакомого номера. И это была не Лера. Звонившая спрашивала, добрались ли Лера с Максимом.

— Добрались куда? — спросила Лида. Она считала, что они вместе с ее внуком в оккупированном Великом Выселке.

— В Редкодуб, — сказал голос в трубке. — Они ушли из Выселка два дня назад и собирались к вам. Они там?

— Но я не в Редкодубе сейчас, — сказала Лида.

Женщина объяснила, что Лера и Максим с ребенком ушли 25 октября. Лида потеряла дар речи. Ее родители были дома, они бы позвонили, если б Максим и Лера появились. Как они перешли линию фронта? Это было невозможно.

— Их там нет, — выдавила Лида.

Доктора сказали, что привяжут Лиду к кровати капельницей, если она не успокоится. Она бродила по больничным коридорам, поддерживая большой живот и обливаясь слезами. Где-то между двумя селами — среди знакомых полей с подсолнухами, где течет меж высоких известняковых берегов Оскол с его зеленой водой и желтыми кувшинками, — пропал ее сын со своей семьей. Они не подходили к телефону. Она не могла их найти. День, два, три. Ничего.

Иллюстрация: Andriana Chunis / Atavist

Ужас

В середине сентября Максим в очередной раз поймал сигнал на стогу в Великом Выселке. Он

увидел фотографию, которую Лида повесила в *Viber* — его брат и сестра с украинским флагом и двумя солдатами. Он чувствовал, как улыбка сестры отражается на его собственном лице.

Месяцами россияне и их сторонники в Купянске и Двуречной доказывали, что их дом теперь навсегда стал Россией. О том же неустанно твердили пропагандисты. Теперь Максим сделал скриншот фотографии, которая доказывала, что это далеко не так. Его семью уже освободили. Его двоюродный брат говорил: «Мы скоро придем». Лерин ребенок, которого они ждали в конце октября, родится уже в свободной Украине.

Он ждал и ждал, когда украинская армия появится в Великом Выселке. Но она не пришла.

После того, как Купянск освободили 10 сентября, деревню наводнили отступавшие российские солдаты и их военная техника. Двуречная была полностью отрезана, любые перемещения и коммуникация были очень рискованным предприятием. Как-то вечером муж Наташи Дихман Валерий забрался на дерево рядом с их домом в Великом Выселке, чтобы поймать сигнал и поговорить со своим старшим сыном, который находился в Польше и страшно волновался за родителей. Буквально через секунду засвистели снаряды — российские солдаты на шоссе видимо заподозрили, что он фотографирует их позицию. Валерий свалился с дерева. Дихманы были тихой парой, обоим за сорок. Они очень любили своих сыновей, Наташа звонила старшему каждый день. Но

теперь Валерий заявил: «Я больше никуда звонить не полезу».

1 октября Наташа была дома, пекла лепешки на печи. Тут в дверь постучался Максим. «Тетя Наташа, я не знаю, что делать! — сказал он. — Кажется, у Леры схватки».

Сильные боли начались у Леры еще за день до этого. К вечеру стало ясно, что она рожает, но воды не отходили. В два часа ночи Максим побежал к российским солдатам — умолял их забрать его девушку в больницу в ближайшем оккупированном городе. Солдаты прогнали его, выдав санитайзер для рук. Он попробовал еще раз через несколько часов, но ничего не вышло. Так что Максим пришел к Наташе. Он дрожал. Он был еще мальчик, ровесник Наташиного младшего сына. Он не знал, что делать, к кому обратиться. «Я все понимаю, но чем я могу помочь? — спросила Наташа. — У меня ничего при себе нет, и везти ее некуда».

Наташин небольшой фельдшерский пункт разорили в сентябре российские солдаты, которые теперь жили в здании детского сада через улицу, среди детских кроваток вперемешку с ящиками с патронами и сухпайками. У Наташи оставались какие-то лекарства из тех, что ей выдали российские солдаты. Но это были таблетки от давления и диареи, с родами они помочь никак не могли. Она побежала с Максимом к дому Лериной матери, который та делила со своим партнером. Жарко натопленный дом пах печным дымом, рыбой, потом и отчаянием. Лера была на веранде. Она то качалась, то прижималась лбом к прохладному оконному стеклу и безостановочно

материлась. «Так, девочка, так. — сказала ей Наташа, которая и сама готова была сыпать проклятиями. — Ругайся, матерись, дыши. Главное, дыши».

Дом трясло от обстрелов. Лера так надеялась рожать в больнице. Но теперь молилась, чтобы высшие силы, кто бы это ни был, дали ей родить здесь, в доме. Она не хотела, чтоб ее ребенок появился на свет в холодном темном погребе. Электричества не было. Наташа спросила, есть ли у Светланы хоть что-то, что могло бы пригодиться. «Не было ничего! — вспоминает Наташа. — Ни подгузников, ни антисептика, ни йода. Ничего».

Соседка предложила порвать на пеленки чистую простыню. Наташа велела ей нести все, что есть. Она принесла бутылку водки. Даже спустя несколько месяцев Наташа рассказывает эту историю нервно смеясь. «С одной стороны, анекдот, конечно. С другой — это было очень страшно. Над нами ракеты «Град», дом деревянный, все трясется. И мы с Лерой». Но больше всего Наташа боялась не ракет, а осложнений в родах. Что если у Леры начнется кровотечение? А если тазовое предлежание? Ее этому не учили. У нее не было никакого опыта. У нее на руках мог умереть младенец или его мать, сама еще ребенок.

Шли часы. Максим ждал то на кухне, то на скамейке у дома, прикуривая одну сигарету от другой и не обращая внимания на рев артиллерии. Все, что он мог слышать, — это крики своей девушки.

Почти сутки спустя после начала схваток ребенок появился на свет. Это был мальчик, и толстая, темная пуповина несколько раз обвивала его шею. Наташа

быстро размотала ее. Очистила ему рот и ноздри от слизи и шлепнула по маленькой сморщенной попке. Наконец, он вдохнул и закричал.

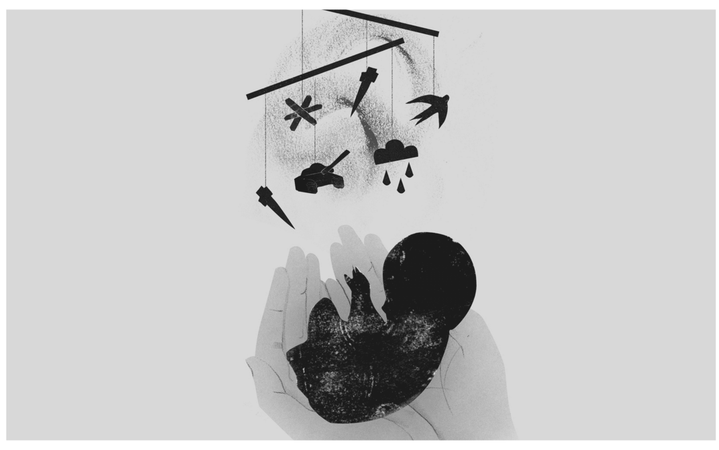

Иллюстрация: Andriana Chunis / Atavist

Наташа взвесила ребенка с помощью безмена — обычно его используют для помидоров и кабачков. Рост она прикинула на глаз. И записала в блокноте. «Я, Наталья Дихман, присутствовала при родах ребенка. Мать — Валерия Перепелица. Мальчик, 2300 кг, 37 см. 16.40, 01.10.2022».

По дороге домой Наташу, еще не до конца пришедшую в себя, остановила на улице женщина: «Ну что, родился?» Вся деревня видела, как Максим бегает за помощью. Наташа не ждала от себя многого. Ее воспитали с идеей, что герои войны — это солдаты на фронте. Но теперь до нее дошло, что без подготовки, лекарств и инструментов, в центре военных действий, она помогла новой жизни родиться на свет. В каком-то смысле, она тоже была героем.

Она два раза приходила к новой семье. Малыш Давид был совсем крошечным, что не удивительно — он появился на месяц раньше срока. На второй ее визит Лера сказала, что подозревает у мальчика желтуху. Но Наташа ничем не могла ему помочь.

Через 10 дней Лера взвесила ребенка. Он прибавил всего 200 грамм. Она кормила его грудью — слава богу,

молоко пришло, потому что никакой смеси у Леры с Максимом не было. Лера ужасно уставала, постоянно чувствовала слабость. Но, возможно, это сказывался стресс.

Она взвесила Давида еще раз через две недели. Весы показали ровно ту же цифру, что и в прошлый раз: два с половиной килограмма. Он был таким маленьким и тихим, почти не плакал, темные бесцветные глаза под прозрачными веками не фокусировались. Он часто ел, но быстро отпускал грудь, и почти не пачкал тканевые подгузники. Лерина родственница сказала, что она очень бледненькая, возможно, у нее анемия. И посоветовал есть гречку. Но гречки в деревне ни у кого не было.

Леру и Максима охватывало отчаяние. И дело было не только в том, что мама и малыш плохо себя чувствовали. И не в постоянных обстрелах. Можно было привыкнуть к ракетам, взрывам, смертельной опасности. Но их мучал другой постоянный страх — что Максима задержат или отправят на войну. 26 сентября ему исполнилось 18, и он подлежал призыву. В армию врага. До украинского контрнаступления российские солдаты в Великом Выселке не трогали местных. Но теперь они нервничали, боялись партизанов и наблюдателей, которые могут направить на них артиллерию ВСУ, стоявшую меньше чем в 10 километрах. Солдаты завели танки в деревню, теперь ее жители стали живым щитом.

Сначала это были российские контрактники или мобилизованные украинцы из оккупированных Донецкой и Луганской областей. Они могли быть

грубыми или снисходительными, могли застрелить гражданского, забравшегося на дерево, или, наоборот, заплакать со словами, что они ненавидят эту войну и хотят домой. Но в какой-то момент, как и на всех оккупированных территориях, к рядовым солдатам прибавились сотрудники военной полиции и ФСБ.

В Великий Выселок приехали около десятка фээсбешников. Они совсем по-другому выглядели, даже на расстоянии. У них была стильная форма, новые высокоточные винтовки. Их задачей была очистка местного населения от потенциальных инакомыслящих и нарушителей спокойствия.

Лера была уверена, что рано или поздно кто-нибудь в деревне донесет на Максима ФСБ. Она научилась выбирать слова, еще когда пророссийские сепаратисты захватили ее родной город в Луганской области. Но ее бойфренд не был так осторожен. Большинство жителей Великого Выселка знали, что у него дома есть украинский флаг, что его двоюродный брат служит в ВСУ и они обмениваются сообщениями.

Глядя, как с каждым днем Лера бледнеет, а малыш становится все более вялым, Максим проглотил свою гордость и страх и отправился к солдатам в детский сад — умолять их переправить его семью на подконтрольную Украине территорию. Линия фронта проходила по железнодорожным путям параллельно восточному берегу Оскола — у деревни Таволжанка. Все, что надо было сделать — это добраться до железной дороги. Солдаты ему отказали. Даже если Максим доберется до той стороны, сказали они, «нацики» застрелят его как диверсанта. Зачем им

рисковать жизнью ради этого? Они в шутку, а может быть и с угрозой спрашивали: «А ты, Максим, когда добровольцем пойдешь?»

В конце сентября фээсбешники забрали одного из Лериных соседей. Они вывели его на разбомбленное летное поле и стреляли в его сторону, пока он не признался, что работает на украинскую армию. 25 октября, когда Максим днем возвращался с работы, его подозвал местный житель, Коля. И вполголоса сказал, что его ищет ФСБ. «У тебя есть два дня максимум», — сказал Коля.

Максим просидел, схватившись за голову, минут десять. Пытался все обдумать. Принять решение. Потом побежал домой и сказал Лере, что они уходят. Им надо было дойти до железной дороги, 10 километров на запад. Если они уйдут прямо сейчас, то доберутся до украинской стороны к ночи, и окажутся в безопасности. Лера побежала к матери, чтобы попрощаться, но Светланы не было дома. Лера обняла сестру Алену и поцеловала брата Артема.

13-летнюю Алену она оставила за главную — они с сестрой были так похожи, все говорили «как две капли воды». Лера всегда таскала маленького Артема на руках, меняла ему подгузники, его первым словом было не «мама», а «Лера». Теперь она должна была позаботиться о собственном ребенке. Она с трудом заставила себя уйти, так и не попрощавшись с матерью.

Они взяли коляску и немного одежды для Давида в маленьком чемоданчике. А еще паспорта, блокнот, в котором Наташа записала дату рождения Давида, и

Лерину медкарту от Кучера. Из одежды — то, что было на них. Два подростка в кроссовках и легких куртках и их младенец в коляске. Мимо по изрытой воронками дороге проезжали русские солдаты и предлагали их подвезти. Каждый раз, когда они приближались, Максим был уверен, что его арестуют. Вскоре стало ясно, что они не успеют добраться до темноты, так что они согласились сесть к солдатам. Когда те их высадили у Таволжанки, Максим разбил телефон с опасными сообщениями и фотографиями.

Таволжанка тянулась вдоль дороги, за ней — река Оскол, на другом берегу — Двуречная. Было тихо и они продолжили идти под звуки осеннего дня — карканье ворон, шелест опавших листьев. Чем ближе к линии фронта, тем больше они встречали следов разрушения — дома, превратившиеся в груды кирпичей, обгоревшие трубы, муторный запах горелой пластмассы. Украинская армия была всего в нескольких сотнях метров от них, с той стороны путей.

Послышались выстрелы. «Возьми Давида на руки, — велела Лера Максиму. — Если что-то случится, ложись с ним на землю». Максим был крупнее и мог лучше защитить своим телом младенца. Еще выстрелы. Потом минометы. Это отстреливались украинцы. Один снаряд прилетел так близко, что они даже не услышали предупреждающего свиста. Их засыпало землей. Они оглохли. Им оставалось пройти всего пару сотен метров, но они не могли прорваться. Они вынуждены были повернуть назад.

В Таволжанке были солдаты-украинцы из Луганска и Донецка. До того, как российская армия начала

набирать заключенных, на самые уязвимые позиции на передовой ставили украинцев с оккупированных территорий. Солдаты предложили перевезти семью в Россию. Они сказали Максиму, что они с Лерой не смогут пробраться сквозь линию фронта, что если они хотят попасть в Двуречную, им нужно подождать пару недель, пока российские войска не отобьют село обратно.

Той ночью семья осталась у знакомого Максима, с которым они вместе работали на ферме. Максим твердо намеревался попробовать продолжить путь на следующий день. Утро было холодным и дождливым. Над головой летали дроны, выбирая место для удара, их характерное жужжание заставляло солдат бежать в укрытия. Потом пулеметная очередь, потом миномет. Ливень превратил развороченную землю в жидкую грязь.

Давид был таким хрупким, у него не было ни теплой одежды, ни одеяльца. Коллега сказал Максиму, что переходить линию фронта — безумие, надо соглашаться поехать с солдатами в Россию. Там Давид сможет получить медицинскую помощь. К тому моменту Лера очень устала. У нее болела голова. За последние два дня Давид почти не шевелился, он был слишком слаб для того, чтобы плакать. Солдаты из Луганска были хотя бы понятными. В другой жизни, если бы не война, они были механиками и шахтерами, как ее дядя и отец. Они с Максимом поддались на уговоры.

Пара солдат быстро переправила их в другую деревню, где их уже посадили в армейский грузовик «Урал». Он был под завязку забит гражданскими

— грязными и потрепанными. По Лериному лицу текли слезы, она так устала, что даже не вытирала их. Я вернусь, пообещала она кому-то или чему-то, возможно, несчастной измученной земле под тяжелыми колесами. Пожалуйста, подожди меня. Я вернусь. Я скоро вернусь. Грузовик пересек границу через разбомбленный КПП, в котором сидели российские солдаты. Когда они проезжали, Лера поняла, что потеряла телефон. Они были в России — они были по-настоящему одни.

Вражеская территория

После того ужасного звонка 27 октября Лида наконец собралась. На 9 месяце беременности, лежа на больничной койке в Харькове и чувствуя, как толкается малыш, она обзванивала сестер и братьев, соседей, друзей, волонтеров, солдат — всех, кто мог как-то помочь ей найти сына и его семью. Она заставляла себя не думать об их мертвых телах. Она говорила себе: где бы в мире они ни были, мать всегда найдет своих детей.

Из Великого Выселка никакого гуманитарного коридора на территорию, подконтрольную Украине, не было. Единственным местом, куда они могли попасть, была Россия. И Лида знала, кто может помочь. Люда. Она и ее семья, в том числе новорожденная Дарья, убежали в Белгород во время взятия Купянска. Вскоре Лиде позвонил незнакомый человек из Таволжанки и сказал, что Максим и Лера тоже в Белгороде. Хотя отношения у сестер были очень натянутыми, кровь не водица. Лида попросила

Люду поискать ее сына и внука в лагерях беженцев и больницах.

Во время ожесточенных боев в Харьковской области тысячи гражданских сбежали или были вывезены российскими войсками через границу, и это заставило жителей Белгорода наконец заметить, что по соседству идет война. Но говорить о ней можно было только в соответствии с официальной версией. Российские государственные СМИ сообщали, что украинцы, прибывающие в город, — это русскоговорящие жертвы «киевского нацистского режима», которых надо спасти и сделать частью русской истории и культуры. Разумеется, российские тюрьмы тоже заполнились украинцами, которых обыскивали, допрашивали и арестовывали на КПП на границе, и их называли «нацистскими террористами».

Российские власти предлагали помощь тем, кого не арестовывали. Их селили в летние и палаточные лагеря и спортзалы. Предоставляли транспорт для отправки в более дальние регионы. Российские волонтеры, многие из которых поддерживают вторжение, привозили еду, одежду, лекарства — такие же, как те, что собирают для российской армии.

Эта помощь стала основным элементом в составе российской телепропаганды. По телевизору показывали благодарных украинцев, спящих на стадионах или в хостелах и радующихся, что Россия их «спасла». Российские власти также организовывали усыновление несовершеннолетних украинцев в приемные российские семьи. Мария Львова-Белова, российский детский омбудсмен,

усыновила подростка из Мариуполя и часто появлялась в телепередачах, обнимая и целуя украинских детей, вручая им российские паспорта под аплодисменты. Она говорила на камеру, что некоторые из этих детей настаивают на том, чтобы говорить на украинском и петь гимн Украины, но это скоро пройдет — и они полюбят Россию.

Люда и дети снимали квартиру в Белгороде, а ее муж искал им новое место для жизни. Она позвонила в одну больницу в поисках Максима, Леры и Давида. Ничего. Позвонила во вторую, и ей сказали: да, поступила очень молодая мать и месячный мальчик. Давид был найден.

Когда Люда приехала в больницу, Давид лежал в плохо освещенном отделении. Люду к нему не пустили. Она смогла снять его на телефон через занавешенное стекло. Снимок она послала Лиде, которая тоже лежала в больнице — по ту сторону границы. Но Леры с младенцем не было. В больнице Люде сказали, что та решила бросить ребенка.

* * *

На самом деле, когда Максим и Лера приехали в Белгород в полночь 26 октября, Лера попросила сразу отвезти их в больницу: она боялась, что Давид может умереть. Ее отвезли в больницу в нескольких километрах от города. Как только они приехали, врачи унесли Давида. Он был настолько истощен, что его перевели в детскую больницу в Белгороде, где собирались держать до стабилизации веса. Но Леру с ним не пустили — она была слишком слаба, и ковидные ограничения в любом случае запрещали

родителям быть с ребенком в отделении. Врач хотел госпитализировать и Леру тоже — сказал, что у нее анемия. Но ее могли принять только в больницу далеко от города, далеко от Давида. Лера отказалась.

Пока Давид был в больнице, Лера и Максим жили в лагере для беженцев в нескольких километрах от Белгорода. Аккуратные ряды бело-голубых палаток на асфальте, в каждой — койки для 12 или больше человек. Там было чисто, но ветер трепал стенки палатки, а обогреватели не справлялись с осенним холодом. И никакого личного пространства, никакой возможности обсудить, что делать дальше, как вернуться домой, в Украину.

В лагере были беженцы из Купянска, Двуречной и даже Редкодуба. Но для Максима и Леры общение с земляками стало еще одним испытанием. Многие из них поверили, что Россия правда их спасла, хотя было не всегда понятно — от чего. Беженцы повторяли слухи, которые Максим слышал еще в Великом Выселке: что украинцы расстреляли всех учителей в области или что на самом деле в контрнаступлении участвуют не украинские солдаты, а западные наемники и силы НАТО.

Когда Максим начинал спорить, ему говорили, что ему промыли мозги или что он сам «нацик». В конце концов все разговоры сводились к одной аксиоме: если они приехали в Россию по доброй воле, Украина будет считать их предателями и возвращаться им нельзя. Возможно, беженцы вторили российской пропаганде, чтобы защититься от ужасов фильтрации. Но в глазах Максима они и были предателями.

На них постоянно давили, что надо говорить по-русски, что надо остаться в стране. В России им дадут квартиру и социальные выплаты, все будет бесплатно. Пока Максим и Лера были в лагере, четыре автобуса с украинскими беженцами уехали в отдаленные российские города. Каждый раз паре тоже предлагали отправиться с ними. «Вы не можете вечно сидеть в этом лагере, — говорили им. — И вы не можете вернуться в Украину, там только стрельба и бомбежки, экстремизм и фашизм. И зачем вам Европа? Вы там никому не нужны, никто не говорит на вашем языке. Оставайтесь в России».

Одновременно становилось понятно, что так называемое российское гостеприимство по отношению к украинским беженцам идет на спад. Еда в лагере была отвратительная, суп из чего попало — макарон, кабачка, крабовых палочек, соленых огурцов. Сложно было добыть сим-карту, купить билет на поезд, снять комнату в гостинице, даже сигареты купить было проблемой. Нужно предъявлять удостоверение личности, а у большинства людей — украинские паспорта. Но самое страшное: довольно скоро Максим и Лера поняли, что не могут забрать своего ребенка.

Когда Лера вернулась к врачу, он дал ей чай и шоколадку. И сказал, что понимает: она не хочет расставаться с Максимом и Давидом. Но она слишком истощена. И если Лера не согласится на лечение от анемии, сотрудники детской больницы не дадут ей даже подержать младенца, потому что она может упасть в обморок и уронить его. Он пообещал, что она сможет воссоединиться с Давидом, если пройдет лечение.

Лера согласилась на переливание крови — у нее был очень низкий уровень гемоглобина, и это могло спасти ей жизнь. Кровь взяли из местного банка крови. Так что теперь Лида — если они когда-нибудь смогут вернуться домой к веселой, грубоватой Лиде, — сможет дразнить ее «наша маленькая рашистка».

Через два дня, несмотря на обещания врача, Леру так и не перевели в больницу к Давиду. Так что она выписалась сама и отправилась туда, чтобы его забрать. Сначала врачи говорили, что не отдадут ей Давида, потому что она сама еще не выздоровела.

А потом сказали, что не могут вернуть ей ребенка, потому что у нее нет документов, доказывающих, что это ее сын. И только когда Давида повезли на рентген глаза, врачи ненадолго пустили к нему Леру.

Когда они приехали в Россию, Давиду было меньше месяца, а Максиму и Лере только исполнилось 18. О том, что Россия ворует украинских детей, еще почти не говорили в прессе — Международный уголовный суд выдал ордеры на арест Путина и Львовой-Беловой по обвинению в незаконной переправке детей из Украины в Россию только в марте 2023 года.

Максим и Лера сделали храбрую попытку остаться в Украине, но их вынудили уехать в Россию. Теперь все шло к тому, что им придется жить там — причем без ребенка. У Леры была медкарта от Кучера, в которой было зафиксировано, что вплоть до августа она была беременна и наблюдалась в больнице в Двуречной. Единственным другим документом, подтверждающим ее связь с Давидом, была страничка из блокнота, на которой Наташа Дихман задокументировала его рождение.

Вооружившись этими доказательствами, Максим и Лера сделали то единственное, что на тот момент могли — пошли в Белгородский ЗАГС и подали запрос на российское свидетельство о рождении. Так они стали обладателями зеленоватой бумажки с двуглавым российским орлом, в которой было написано, что Давид Максимович Кузнеченко родился 1 октября 2022 года в Великом Выселке Купянского района, в Украине. Фамилию написали неправильно, через «е» вместо «и», но им было все равно. Главное — там было написано, что ребенок

родился в Украине. Сотрудница ЗАГСа предлагала им поставить печать о российском гражданстве ребенка. Лера и Максим отказались.

С документами на руках Лера наконец смогла забрать Давида из больницы. Он подрос и окреп, на голове появился пушок. Глаза фокусировались на Лере, хотя один из них — тот, рентген которого делали, — выглядел темнее другого.

Они наконец были вместе и хотели домой. Пока юная пара перемещалась между больницами и лагерем для беженцев, мама Максима сообщила радостную новость: она нашла волонтера, который обещал помочь им вернуться в Украину. Лидин кузен Владислав, чья жена родила через два дня после Люды в Купянске, тоже сбежал в Россию в сентябре. А оттуда семья добралась до Польши. Владислав дал Лиде контакты женщины, которая ему с этим помогла. И сказал, что она была частью подпольной сети русских волонтеров, которые поддерживают Украину.

Иллюстрация: Andriana Chunis / Atavist

Максим встретился с этой женщиной у палаточного лагеря в Белгороде. Он очень нервничал, но волонтерка быстро показала, что бояться было нечего.

Когда Лера и Максим забрали Давида из больницы, она забронировала им комнату в отеле — платила молодая семья деньгами, которые Лере перевел ее дядя из Луганска. Лера послала Лиде фотографию: они втроем, впервые за три недели. Наконец они были вместе, наедине, и кто-то им помогал.

Волонтеры делали все, что не делало российское государство. Они покупали билеты на автобус и поезд, помогали с перемещениями между вокзалами и автобусными станциями. Бронировали номера в гостиницах или селили украинцев в семьи к россиянам-единомышленникам. Покупали телефоны и сим-карты, связывались с родственниками беженцев в Украине.

Большая часть этих волонтеров против войны в Украине и помощь украинцам воспринимает как свой моральный долг — и единственный способ выразить протест. Они постоянно переживали за безопасность — свою и всей волонтерской сети. Те, кто согласился со мной поговорить, описывали это как большую международную команду, которая работает полностью подпольно, — «армия муравьев», как они сами выразились. Один человек забирает беженцев, помогает им с самым необходимым и передает их следующему человеку, как звенья в цепи. «Я стараюсь не узнавать лишнего, — рассказал мне один из волонтеров. — После войны — да, может быть, мы поговорим о том, что делали».

20 ноября Лера и Максим начали свою длинную дорогу домой: их передавали от волонтера к волонтеру, и на каждом шагу они должны были доверяться незнакомцам. Сначала они попали в

Воронеж. Провели там два дня и встретили других украинцев, причем не из Харьковской области, а со всей страны. Кто-то из них был в бешенстве от происходящего, кто-то в апатии. Все они хотели оказаться в Европе. И здесь, наконец, уже не все говорили, что Россия их спасла.

Следующим этапом был 20-часовой автобус до границы с Беларусью. Там Лера и Максим много часов ждали, пока пограничники проверят все телефоны, документы и сумки. Потом они были в Минске, потом в Бресте. Еще одна ночевка у людей, чьи имена они не запомнили. В 9 утра 24 ноября их ждал последний трансфер — очередной волонтер вез их на машине. Остальные беженцы от них отделились — они двигались в сторону Европы. Дороги были почти пусты. Они ехали вместе всего с еще одной пожилой украинской парой.

Машина высадила их всех у последнего КПП, открытого между Украиной и Беларусью — Мокраны-Домановo[2]. Белорусские пограничники не хотели их пропускать. Они придрались к тому, что у Максима просроченный украинский паспорт, а у Давида — российское свидетельство о рождении. Они спрашивали, что Лера и Максим думают про войну и смотрели их телефоны. «Что это тут желто-голубое?» — спросили они с подозрением. Это было банковское приложение. Максим объяснил, что установил его, чтобы получать студенческую стипендию.

Пограничники сделали последнюю попытку задержать их. Они сказали Лере:

— Ты понимаешь, что как только вы пересечете границу, твоему парню дадут армейские кирзачи?

Они грозно возвышались над миниатюрной Лерой.

— Значит, у этого ребенка будет отец-солдат, — ответила Лера.

Наконец, примерно в полдень, после 9 месяцев жизни под контролем России, их пропустили в Украину. У них было несколько сумок с детской одеждой и подгузниками от волонтеров. Максим не замечал их веса. Он летел через ничью землю к украинскому КПП. Как будто с его плеч разом свалилась огромная ноша.

Вернувшиеся украинские беженцы или те, кого освободили после оккупации, часто говорят о том, какое это облегчение — слышать знакомые слова, есть привычную еду, видеть дорожные знаки. Желто-голубой флаг, признаки безопасности и цивилизации. Кока-кола, которую можно себе позволить, никаких рублей. Перемена в самом составе воздуха — свобода, которую можно вдыхать. Но для Максима и Леры это не было концом путешествия. Они все еще должны были пересечь почти всю страну с запада на восток.

Но сначала им надо было поговорить с сотрудниками СБУ — Украина тоже практикует фильтрацию. (Лере они посоветовали подтереться российским свидетельством о рождении Давида.) Потом был 20-часовой автобус — через Киев до Харькова. Давид проспал большую часть пути, кроме последнего отрезка, где он начал подвывать. Скоро он уже

встретится с Лидой, но не со своей другой бабушкой: Светлана все еще находилась на оккупированной территории. Зато на запруженной автобусной станции в Киеве Леру ждал ее отец Николай. Они со Светланой разошлись еще в Луганске. Лера с отцом часто разговаривали, но не виделись много лет, с тех пор, как она сбежала от бомбежек в 2014 году. Теперь в самом конце длинного пути, в бегах от того самого огонька войны, который разгорелся в полноценное пламя, они встретились снова. Это была короткая передышка на автобусной станции, Николай успел только поцеловать внука, пожать руку Максиму и засунуть в карман дочери несколько купюр. И крепко ее обнять. Оба плакали.

* * *

Лида больше часа прождала на автобусной станции в Харькове. Автобус, который задерживался из-за заснеженной дороги, наконец приехал — в 9 вечера. Первой она увидела Леру, в ярко-красном пальто и шапке. Потом Максима. И потом уже разглядела Давида — туго запеленутый сверток на руках у Леры.

Она много раз прокручивала в голове этот момент, волновалась, что опозорится, разревется. Вместо этого, дрожа от возбуждения, она неожиданно для самой себя воскликнула: «Слава Украине!»

Ее голос прозвенел над холодным плохо освещенным автовокзалом, заполненным нервничающими путешественниками, каждый со своей военной судьбой. Кто-то засмеялся, кто-то улыбнулся. И многие ответили: «Героям слава!»

Лидин ребенок родился в Харькове 28 ноября, здоровая девочка с пушистыми светлыми волосами. Она назвала ее Виталиной — в честь отца, Виталия, и потому что это значит «живая».

От одного из Лидиных двоюродных братьев, мариупольца, не было вестей уже 9 месяцев. Ее любимая сестра-близнец была в России, с племянницей, которую она никогда не видела. Лерины мать, брат и сестра были под оккупацией. В Украине было столько смерти и боли. Но для равновесия у них теперь было два младенца, они были живы, они были вместе.

Четыре дня спустя Лида вернулась в Редкодуб. Там не было воды, электричества, газа. Разбитые ракетами дороги были покрыты гололедом. Через неделю после ее возвращения снаряд прилетел через дорогу и уничтожил здание детского сада. Но Максим, Лера и Давид добрались до дома. Они сделали петлю в 3000 километров, чтобы оказаться там, где начинали. Они были вместе, они были дома.

Дом

Возвращение в Редкодуб не было сказочным финалом, о котором все мечтали. Лере сложно было продолжить учебу без электричества и транспорта, она сдавала сессию с помощью армейского терминала *Starlink*. И деревня не подходила для ребенка, которому нужна медицинская помощь. У Давида на правом глазу была катаракта, нужно было оперировать.

Лера и Максим уехали с Евгением Саниным, харьковским волонтером, который привозил меня встретиться с этой семьей в конце 2022 года. Он отвез их в Харьков 4 января, по той же дороге, что ехали мы, на предельной скорости, чтобы не попасть под удар ракет, которые продолжали падать на руины Двуречной и Купянска. Они поселились в хостеле для перемещенных лиц и ждали операции. Но без документов Давида нельзя было положить в больницу, а еще нужно было записаться на получение социальных выплат. Так что в конце января Лера, Максим и Давид встретились с адвокатом в районном суде Харькова. В каком-то смысле это было последним шагом для Давида. Его родители проделали такой путь, чтобы он рос в Украине. И теперь они должны были сделать его украинцем по закону.

Роды на оккупированных территориях могли быть зафиксированы в Украине только в судебном порядке. По иронии судьбы, получить российское свидетельство о рождении оказалось проще, чем украинское. У Леры по-прежнему была только медкарта от Кучера и бумажка с Наташиной записью. Адвокат велел им даже не упоминать российское свидетельство о рождении. Украина разорвала дипломатические отношения со своим соседом почти через год после начала кровавого вторжения, унесшего жизни как минимум семи тысяч гражданских и десятков тысяч солдат, так что этот документ мог только настроить суд против них.

Они думали попросить свидетельствовать Кучера, который уже делал так для нескольких других семей. Но потом узнали, что Наташа Дихман, которая помогала Лере родить, находится в Харькове.

Вскоре после того, как Максим и Лера уехали, жизнь в Великом Выселке стала невыносимой. Постоянные обстрелы. Российские солдаты ходили по домам, разворовывая все подряд и требуя алкоголя — в промежутках между украинскими обстрелами с другого берега реки Оскол. Наташа и Валерий Дихманы смогли эвакуировать младшего сына в ноябре. В конце декабря они тоже уехали, прорвавшись через замерзшие поля на своей старенькой машине с разбитыми стеклами — незадолго до отъезда к ним в гараж прилетел снаряд. Они поехали в Россию, а потом вернулись в Украину через редко работающий КПП между воюющими странами и оказались в Харькове 25 декабря. Несмотря на разрушенные дома, по сравнению с Великим Выселком тут было мирно.

Наташе рассказали, что молодая семья смогла вернуться в Украину. В январе Лера позвонила ей и попросила помочь им еще раз. Так скромная, ни на что не претендующая Наташа, которая ничего не хотела кроме тихой спокойной жизни, оказалась в суде с рассказом обо всей этой драматичной истории. Она держала Давида пока Лера и Максим говорили с судьей. Ребенок все еще был очень мал, но крепко ухватил ее за палец. И выглядел точь-в-точь как Максим. Заседание длилось почти час. На следующий день родители получили свидетельство о рождении Давида Максимовича Кузниченко.

* * *

После слушания пара осталась в Харькове. Максим устроился работать в супермаркет. Его зарплаты хватало на съем квартиры в многоэтажке — ее сдавали дешево, потому что жители дома рисковали во время продолжающихся, хотя и не постоянных воздушных атак.

Мама Леры Светлана время от времени звонила из Великого Выселка, но с каждым звонком говорила все меньше — только короткое «мы в порядке». Весной Лерин отец Микола записался в ВСУ.

В конце января Лида вместе с Виталиной и Ульяной уехала из Редкодуба к старшей сестре в деревню — чуть дальше от линии фронта. Ее родители остались с Дмитро. Люда по-прежнему была в России с Дарьей, третьей из троицы детей военного времени. Близнецы говорили, только когда Людиного мужа не было поблизости.

Иногда старшая сестра говорила Лиде, чтоб она перестала убиваться по сестре-близнецу. «Ты не понимаешь,– говорила Лида. — Вы обе моя семья, но мы с Людой единое целое. Если ей больно — мне больно. Если мне плохо — ей плохо». Война не смогла разорвать эту связь. «Мне без нее очень тяжело», — сказала мне Лида.

Я встретилась с Максимом второй раз в Харькове в мае, на похоронах Евгения Санина. Его убило снарядом в Двуречной, когда он пытался эвакуировать еще одну семью. На кладбище, где сотни украинских флагов развеваются над свежими

могилами солдат, Максим был не в первый раз. В январе он приходил на похороны Александра, кузена Лиды, которого убили в боях у Лимана в Донецкой области.

Все это время Максим вынашивал решение. Когда я виделась с ним в первый раз, после возвращения в Редкодуб, я спросила, почему они не поехали в Европу, когда была такая возможность. Там Давид был бы в безопасности.

Потому что, просто сказал он, мы хотели домой. Патриотизм — это сложное слово, дискредитированное в глазах многих европейцев. Для украинцев — это образ жизни, глубинное выражение стремления выжить, как слова «Слава Украине». Максим провел месяцы на оккупированной украинской территории, испуганный мальчик, юный отец, зависящий от российских солдат, которые угрожали ему, что заставят сражаться за напавших на его страну. Он был бессилен и никого не мог защитить. Дом, даже дом прямо у линии фронта, был знакомым, понятным местом. Местом любви, местом, где он мог управлять собственной жизнью.

Лера выпустилась из техникума в июле и отпраздновала свой 19 день рождения. Она поправилась, у нее появился румянец и свежий маникюр. Макс сделал татуировку трезубца. Он тоже вырос. Он раздражался на работе, когда молодые люди — примерно его возраста — приходили в супермаркет или отвисали в кафе и барах, наслаждаясь жизнью и забывая о войне. Его коллеги-мужчины волновались, что их призовут во время второго, еще более кровавого контрнаступления Украины.

9 августа Украина объявила обязательную эвакуацию всех деревень в Купянском районе, в том числе Редкодуба. Армия не хотела, чтобы гражданские оказались втянутыми в процесс отвоевывания территорий — так объяснил эвакуацию Максим.

В конце сентября Лиде исполнилось 38 лет, а Максиму — 19. 1 октября Давиду исполнялся год. «После этого я дам присягу», — сказал мне Максим, когда мы встретились последний раз, жарким летним днем в их съемной квартире с видом на Харьковский ботанический сад и студенческие общежития, в которых жили сотни переселенцев из Купянска, Редкодуба и Двуречной. «Я сам запишусь в армию, чтобы это был мой выбор, а не чей-то еще». Он собирался защищать свою семью, даже если это означало, что ему придется ее покинуть.

Давид держался за колени отца, заглядывая ему в лицо. Максим подбросил его в воздух, чтобы он улыбнулся, а затем дал ему в руки свой телефон. «Ну, отнеси телефон маме», — сказал он. Маленький голенький мальчик схватил телефон и неуверенно

поковылял к Лере. Он только-только научился ходить.

Памяти Евгения Санина (1976-2023).

Автор: Лили Хайд

Оригинал: *Two Thousand Miles From Home*. *The Atavist Magazine, No. 144, October 2023.*

Перевод: Вера Нифлер

---

1. Село в Двуречанском районе Харьковской области.

2. Пункт на границе Волынской и Брестской областей Украины и Беларуси.